

А.В. Зиновьев, В.В. Хухарев

КРИТИКА ДАРВИНИЗМА Н.Я. ДАНИЛЕВСКИМ И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ

Известный российский мыслитель и естествоиспытатель Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) получил широкую известность после выхода в журнале «Заря»¹ за 1869 г. серии публицистических статей. В 1871 г. объединённая публикация под названием «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому» выходит отдельным изданием². В конце XIX в., благодаря целой серии переизданий работ Н.Я. Данилевского, он воспринимался многими уже не только как мыслитель, привнесший в движение славянофилов линию панславизма, но и как создатель оригинальной версии концепции локальных цивилизаций [1; 4, с. 18–20].

При этом надо заметить, что предложенная Н.Я. Данилевским в качестве основы мироустройства достаточно «биологическая схема», в большей части трактующая мир как некий организм, не была чем-то принципиально новым. Такой подход уже пытались применить в своих теоретических построениях М.В. Петрашевский и А.А. Григорьев. Правда, Данилевский пошёл дальше, предложив принять законы органического мира в качестве законов отвечающих за всеобщие принципы бытия. В результате чего, законы развития мира отдельных типов-организмов были применены в роли своеобразного инструмента, сквозь «призму» которого исследователь попытался взглянуть на всю мировую историю [11, с. 77–80].

Статьи, позже оформленные одной книгой, в которых обосновывались все эти положения, были написаны Н.Я. Данилевским в течение 1865–1868 гг. При этом из наследия раннего славянофильства в свою концепцию им была взята идея всемирно-исторического предназначения русских. В большей части своих теоретических построений Данилевский пошёл проторенной дорогой переноса идей и подходов биологии в социологию. Развивая оригинальную версию концепций локальных цивилизаций, он выдвинул на первый план национально-расовые структуры, существовавшие и развивающиеся, как он считал, самобытно, иерархически, изолированно, независимо от других, рядом в пространстве. Это оправдывалось тезисом о «необходимости подпереть историю методами естественных наук», в частности

¹ Журнал научно-литературных и политических публикаций «Заря» выходил в 1869–1871 гг. ежемесячно в Санкт-Петербурге (в 1872 г. вышли только номера 1 и 2), издатель-редактор В.В. Кашпиров (подр. см.: Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати 1703-1900. СПб., 1915. С. 244 и др.).

² Кроме журнальной публикации (Заря. 1868 г. №1–6, 8–10) и издания 1871 г., эта работа Н.Я. Данилевского выходила отдельными изданиями в 1888, 1889, 1895, 1991 и 2003 гг.

биологии (в рамках её органической теории). Кроме того, Данилевский постоянно подчёркивал свой скепсис относительно идеи о существовании общечеловеческой цивилизации – одной из основных идей «русских европейцев». «Общечеловеческая цивилизация, – пишет он, – не существует и не может существовать, потому что это была бы только невозможная и вовсе нежелательная неполнота. Всечеловеческой цивилизации, к которой можно было бы примкнуть, также не существует и не может существовать, потому что это недостижимый идеал...» [6, с. 124]. При этом Данилевский активно пользуется идеей об отсутствии всеобщего биологического закона, а значит, и отсутствии единого исторического развития общества и невозможности деления истории на древнюю, среднюю и новую. Поэтому в каждом из этих периодов народы находятся на разных ступенях формирования, развиваясь неравномерно; это позволило Данилевскому сделать вывод о существовании человечества не как целого, а лишь в качестве отдельных культурно-исторических типов [3, с. 425–433; 4, с. 18–20].

Таких культурно-исторических типов (сокр. – КИТ) им выделяется десять: китайский, ассиро-вавилонский, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, новосемитский (аравийский), германо-романский (европейский). Выделение еще двух – американского и перуанского – «проблематично», так как они были уничтожены насильственно, а «новоамериканский» пока еще не оформился и не даёт оснований для определенных суждений. Россия, как и все славянство, выносилась в особый культурно-исторический тип, не совпадающий с известными и особенно отличающийся от германо-романского.

Критериями для оценки и отбора КИТ в качестве полноценных цивилизаций Данилевский объявляет четыре своеобразных разряда: религиозный, собственно культурный (наука, искусство, промышленность), политический и социально-экономический. При этом анализ выделенных КИТ по этим разрядам выявляет их неравноценность. Одни выступают как одноосновные культуры (греки, евреи), другие народы творят культуру в сочетании двух-трех разрядов. И лишь Россия выступает как носитель «четырёхосновной» культуры [6, с. 508 и др.].

Кроме того, Н.Я. Данилевский формулирует пять основных законов «движения или развития» КИТ: закон «сродства языков», закон «политической независимости», закон «непередаваемости цивилизации», закон «разнообразия и силы составных типов», закон «краткости периода цивилизации», которые подвели его к выводу о выделении реального носителя КИТ в прошлом – народностей, а в настоящем – наций [6].

По сути дела, Н.Я. Данилевский предложил идеалистическую концепцию происхождения наций, их признаков и законов развития. Концепция эта была основана на крайне идеалистическом понимании истории (с использованием таких понятий, как дух, имманентная сущность народов и т. д.), мощнейшей позитивистской парадигме (исследования Данилевского пере-

полнены биологическими аналогиями). При этом эскизно очерчивая нацию как исторический феномен, Данилевский почти полностью отвлекался от объективных материальных отношений в обществе, практически не ссылаясь на особенности экономики или хозяйственной деятельности людей.

Несмотря на все эти явные недостатки концепции (отмеченные уже современниками), книга Н.Я. Данилевского оказалась политически актуальной. В ней традиционная идея славянской самобытности была переведена в абсолютную исключительность. Тем самым была подведена платформа для панславянской программы и движения к Славянской федерации во главе с Россией. Он прямо пишет об этом: «...будучи чужда европейскому миру по своему внутреннему складу, будучи кроме того, слишком сильна и могущественна, чтобы занимать место одного из членов европейской семьи, быть одною из великих европейских держав, Россия не иначе может занять достойное себя и славянства место в истории, как став главою особой, самостоятельной политической системы государств и служа противовесом Европе во всей ее общности и целостности. Вот выгода, польза, смысл Всеславянского союза по отношению к России» [6, с. 402].

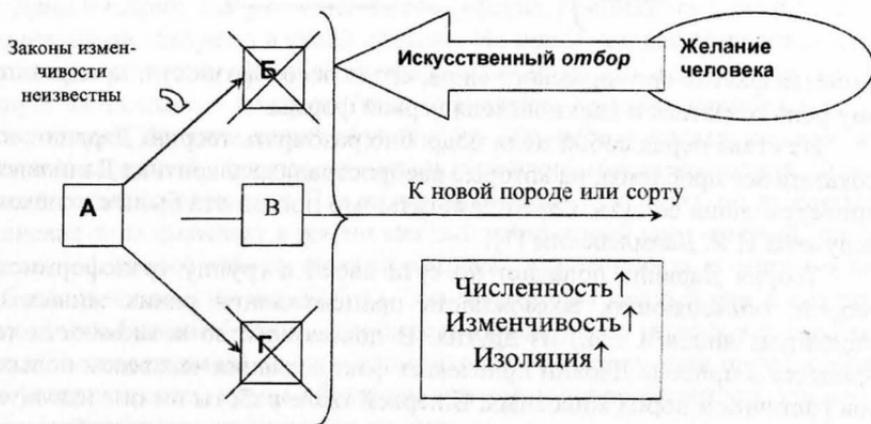
В сложный период Балканского кризиса концепция Данилевского стала своего рода патриотическим манифестом и, как заметил Н. Страхов, своеобразным «кодексом славянофильства». Правда, надо заметить, что современники восприняли концепцию Н.Я. Данилевского весьма неоднозначно. Наверное, лучше всего об этом написал Н. Михайловский, который сравнивал приемы Данилевского с «манерой вещего Баяна»: «...наметив известное положение как требующее доказательств, он (Данилевский) ищет в разных отраслях знания случаев аналогических, более или менее подходящих, хотя бы самым внешним поверхностным образом; для этого он растекается мыслию по древу (отправляется в ботанику), рыщет серым волком по земле (геологии и истории), летает сизым орлом не только под и над облаками (в области астрономии) и группирует таким путем массу образов, более или менее знакомых читателю и потому мало способных рассматривать его критическую мысль». За этим изобилием слабость главных аргументов не замечается, а читатель втягивается в игру, где, как замечал Н. Михайловский, «история и социология превращаются в шахматы, в искусственную игру фактами ради политических целей, в обыгрыш доверия читателей...» [10, т. 3, с. 866].

Но не такой критики опасался Н.Я. Данилевский. Вся его интеллектуальная мощь с зимы 1879 г. была направлена на полемику с дарвинизмом. Причиной тому послужила предложенная Ч. Дарвином теория «происхождения видов...», которая ударяла в основу всей мировоззренческой системы Данилевского, превращая его концепцию большей частью в забавное публицистическое произведение. Впервые Данилевский познакомился с учением Ч. Дарвина в 1861 г., находясь в командировке в Норвегии. Собрав в дальнейшем «главнейшие, сделанные против Дарвина замечания», он попытался записать и свои мысли. Широкий общественный резонанс, вызванный тео-

рией Ч. Дарвина, по мнению Н.Я. Данилевского, был вызван не столько предложенным разрешением вопроса о происхождении разнообразных органических форм, сколько решением вопроса о целесообразности в природе – вопроса который имел «важное и глубокое философское значение».

Несомненную важность в понимании заочного спора «Дарвин – Данилевский» имеет научная биография Николая Яковлевича. Как ученый и исследователь, он во многом сформировался на совместных с К.М. Бэр³ рыбохозяйственных исследованиях, развернувшихся на пространстве от Каспийского и Черного морей до Ледовитого океана. Впоследствии Данилевский выступал продолжателем концепции Бэра и в зоологии.

«Происхождение видов...» (Darwin, 1859) – книга, в которой Чарльз Дарвин (1809–1882) изложил основы своих революционных взглядов на эволюцию в природе, имела под собой мощную фактическую базу. Дарвин собирал этот багаж более двадцати лет. Его исследования отличались большой фактологичностью [12]. Это, собственно, отмечает и Данилевский в своём двухтомном критическом исследовании, подробно рассматривая все части учения Дарвина. В вопросе подбора и анализа фактов эту работу отличает не только эрудиция автора, но и обширные знания в разных областях биологической науки того времени. Нельзя упрекнуть Данилевского за невнимательное прочтение работ Дарвина или за неправильное понимание сути его теории, как это неоднократно случалось с другими критиками. Отдавая

³ Бэр Карл Максимович (Карл-Эрнст) (1792–1876) – выдающийся естествоиспытатель, один из основателей эмбриологии, антрополог, географ и этнограф. В 1829 г. заведующий кафедрой анатомии в Кенигсберге К. Бэр был приглашен в Петербург и стал действительным членом Российской академии наук (с 1862 г. – почетный член) и профессором зоологии. Совершил ряд путешествий для исследования Новой Земли, по Балтийскому и Каспийскому морям. Один из основателей физической антропологии. Автор около 300 печатных работ; его рукописное наследие хранится в архиве Академии наук (Бэр-овский фонд).

должное Данилевскому, надо заметить, что теория «Происхождение видов...» была изложена Николаем Яковлевичем доступно, популярным языком и достаточно понятно. Заставил его это сделать философский и мировоззренческий характер дарвиновского учения. Для многих европейцев теория Дарвина оказалась более чем переворотом в естествознании. По сути дела, своим учением Дарвин убрал «катаракту» с глаз исследователей, поскольку естественным путем, основываясь на признаках случайности, смог объяснить то разнообразие живых существ, которое ранее заставляло человека думать о Божественном Провидении, убрал идею креацианизма из природы. И хотя Дарвин в своем учении прямо не отказался от идеи «Бога как Творца», он снял необходимость в его привлечении для объяснения боль-

шинства фактов органического мира, его целесообразности, правда оставив ему роль создателя и вдохновителя первой формы.

Не ставя перед собой цели подробно разбирать теорию Дарвина, чтобы показать все проблемы, на которые распространялась критика Данилевского, приведем лишь ее суть. Стоит заметить, что логика эта была с успехом обнаружена Н.Я. Данилевским [7].

Теория Дарвина попадает по сути своей в группу трансформистских теорий, объясняющих возможность происхождения одних живых форм (подвидов, видов и т. п.) из других. В доказательство возможности такого процесса в природе Дарвин привлекает факт создания человеком новых сортов растений и пород животных. В первой главе работы им последовательно рисуется процесс, который для простоты восприятия можно изобразить при помощи следующей схемы:

Потомство особи «А» неодинаково в силу изменчивости, причины или законы которой Дарвину известны не были. Среди потомков «Б», «В» и «Г» особи «А» только особь «В» обладала полезными человеку наследственными признаками, который по своему желанию оставил (т.е. отобрал) ее для использования и размножения. Большая численность и изменчивость объекта отбора в сочетании с изоляцией значительно ускоряют процесс образова-

ния новой породы или сорта. Процесс отбора, приводящий таким образом к возникновению новых сортов и пород, Дарвин назвал *искусственным*, чтобы подчеркнуть причастность к нему человека. Суть остальной части книги Дарвина заключается в доказательстве наличия подобной же схемы в дикой природе и подробном анализе каждого из ее компонентов. В нескольких последующих главах он действительно находит аналогии всем компонентам в построенной для искусственного отбора схеме, которая теперь выглядит так:

Потомство особи «А» неодинаково в силу изменчивости, причины которой Дарвину известны не были. Среди потомков «Б», «В» и «Г» особи «А» только особь «В» обладала полезными наследственными признаками, позволившими ей выжить в процессе борьбы за существование, обусловленной нехваткой ресурсов в силу геометрической прогрессии размножения, и оставить потомство. Большая численность и изменчивость объекта отбора в сочетании с изоляцией значительно ускоряют процесс образования новой разновидности, подвида и вида. Процесс отбора, приводящий таким образом к возникновению новых разновидностей, и, в конце концов, видов, Дарвин назвал *естественным*, чтобы подчеркнуть непричастность к нему человека. В оставшейся части книги Дарвин проверяет правильность своей теории различными категориями фактов, как-то: морфологическими, эмбриологическими, палеонтологическими, биогеографическими. Значительное место, особенно в последних прижизненных изданиях, он также уделяет ответам на возражения оппонентов.

Данилевскому, как уже отмечалось, удалось проникнуть в логику труда Дарвина, ей он следует и в своей критике. Но перед тем как обратиться к небольшому количеству важных частных замечаний, мы должны указать на главную «мишень», в которую была «нацелена» критика Данилевского. В основе теории Дарвина лежит случайность (случайные наследственные изменения), с которой, как представитель телеологических воззрений, Данилевский согласиться не мог. Поддерживая взгляды К.М. Бэра, он признавал, что «некая сила вызывает к жизни каждый конкретный вид, который, таким образом, имеет свое начало, а также и конец...» (истинность вымирания видов была очевидна уже и в XIX в.). Это происходит каждый раз, когда возникают виды (каким образом, Данилевский умалчивает, вынося это за рамки понятий положительной науки), которые в своей организации приспособлены к условиям своей среды обитания, причем приспособленность эта касается всего организма, как единого целого.

Для показа истинности своих взглядов Данилевский поэтапно анализирует компоненты приведенной выше схемы дарвиновской теории, а также проверяет её верность как на фактах Дарвина, так и на своих. Поскольку Дарвин «стартовал» с искусственного отбора, то с разбора такового и начинается свой критический труд Данилевский. Он соглашается с тем, что культурные растения и домашние животные обладают изменчивостью и, несомненно, многие из них были получены человеком в результате сохранения

наиболее подходящих по свойствам форм, но не согласен с тем, что возникновение этих новых форм произошло путем отбора человеком особей с небольшими отклонениями в положительную сторону. На большом количестве примеров он показывает, что изменения эти происходят, как правило, сразу, принося уже законченную форму, которую человек оставляет и размножает. Таким образом, Данилевский отрицал направленное действие отбора, в данном случае искусственного, а признал лишь его закрепляющее значение, т. е. сохранение тех изменений, которые произошли скачкообразно. Этим скачкообразным изменениям он и склонен приписывать целесообразность, обусловливаемую причинами, не доступными положительной науке, а находящимися в рамках метафизических построений. Нетрудно заметить, что в данном случае основная критика Данилевского была направлена на наиболее уязвимую часть схемы Дарвина – «законы изменчивости неизвестны». Надо заметить, что Ч. Дарвин неоднократно подчеркивал, что не знает, почему и как происходят изменения, которые затем передаются по наследству. К моменту написания им «Происхождения видов...» генетики как науки еще не существовало, да и работа Менделя «Эксперименты по гибридизации растений» (1865) по ряду причин осталась неизвестной Дарвину [8]. Поэтому любую критику теории Дарвина в этом направлении можно считать во многом беспочвенной, ибо в теории Дарвина не было место фантазиям на счет неизвестной тогда области наследственной изменчивости. Дарвин, понимая, что впоследствии потребуется объяснение и этих процессов, которые поставляют материал отбора, в некоторых своих работах предвосхитил открытие единиц наследственности – генов. Он писал о неких корпускулах, которые собираются от разных частей организма в репродуктивных органах и, комбинируясь, передаются по наследству, причем могут сохраняться, даже поначалу не проявляясь в потомках. Догадки эти впоследствии были с блеском подтверждены целым рядом генетических исследований XX в. По данной причине подробный анализ критики дарвинизма Данилевским приводить здесь не имеет смысла, поскольку за прошедшее время наука сильно продвинулась вперед в понимании законов изменчивости. К тому же в XIX в. блестящая критика Данилевского была осуществлена К.А. Тимирязевым в статье «Опровергнут ли дарвинизм» (1887). Поэтому имеет смысл обратить внимание лишь на наиболее интересные и спорные моменты работы Н.Я. Данилевского.

Так как же все-таки происходят изменения, которые «поставляют» материал для отбора, или подбора, как более верно в XIX в. было переведено слово «selection» с английского языка?

Дарвиновская теория в своем изначальном виде указывала на то, что изменения эти малозаметны и не направлены, т. е. случайны. Хотя Дарвин указывал на возможность происхождения новых форм, как-то: пород, сортов или видов с разновидностями в результате быстрых, скачкообразных изменений, преимущество он все же отдавал изменениям малозаметным, кото-

рые могли постепенно накапливаться отбором и слагаться им в определенных направлениях. С развитием генетики в начале XX в. оказалось, что какие угодно изменения в наследственном аппарате происходить не могут, а существуют только определенные, «разрешённые». Поэтому мы не можем получить любые изменения, какие только можно помыслить; они канализованы, или, в более точном термине паттернизированы. Это открытие привело к появлению мутационной теории эволюции, включающей в себя не только концепцию «гетерогенного размножения» (А. Келликера), но и представления о скачкообразном видообразовании (С. Майварта), о больших геологических мутациях (В. Ваагена), о геретогенезисе (С.И. Коржинский), а также идеи геолога Э. Зюсса о «перечеканке живых существ», т. е. гигантских превращениях форм на протяжении коротких периодов. Они же привели к созданию ряда ортогенетических теорий, которые признавали наличие паттернов, «разрешенных» каналов в развитии. Ярким представителем этого направления среди отечественных ученых можно назвать Л.С. Берга с его теорией номогенеза [7].

Существование данных теорий указывает на действительное присутствие неких каналов изменчивости, внутри которых она может носить скачкообразный характер. Поэтому в этом отношении критика Данилевским Дарвина вполне конструктивна. Он, вслед за своим учителем К.М. Бэр, во многом предвосхитил последующие исследования в области эволюционной теории. Правда, следует заметить, что к пониманию существования таких моментальных сильных и кажущихся целесообразных изменений привели Н.Я. Данилевского как раз попытки философского подхода к разрешению проблемы дарвинизма. В обществе теория Дарвина была принята с восторгом. Многие учёные, занимавшиеся особенно «органическими темами», зачастую не задумывались об общей картине развития и взаимодействия живых существ. Поэтому под влиянием теории «Происхождения видов...» произошло оформление целого мировоззренческого направления, получившего название дарвинизм. Эволюционная теория стала своеобразной философией биологии, а поэтому подверглась активной критике [7].

В своих научных построениях Данилевский постарался избежать метафизических фантазий, которые «затыкали» бы бреши в научных построениях. Он лишь отнёс причину появляющихся «спонтанно целесообразно построенных организмов» за пределы положительной науки, т. е. в область метафизики. Конечно, это не может не вызвать критики, так как представления Бэра и Данилевского отодвигают в область непознаваемого много того, что берётся объяснить дарвиновская теория, причем в простых категориях случайности и отбора. Кроме того, Данилевский, напротив, не признаёт существования естественного отбора. Признавая наличие искусственного подбора, он в то же время указывает на невозможность использования его в качестве модели для объяснения событий, происходящих в дикой природе. На ряде примеров он показывает, что сорта и породы – категории, не равные

видовым в природе. Будучи перенесенными в дикую природу, они либо неизменно возвращаются в дикое состояние, либо попросту вымирают. А значит, искусственный отбор не равен естественному. Изменчивость же – не что иное, как колебания вокруг некой формы, которую мы и считаем видовой, и колебания эти не могут служить материалом для возникновения новых видов, но используются человеком для получения искусственных форм, которые необходимо постоянно поддерживать.

Отмечая положительную роль теории Дарвина в плане обращения внимания научного сообщества и просвещенной публики на важность анализа проблемы взаимодействия организма со средой, отечественный мыслитель в то же время не смог согласиться с тем, что существует некий естественный отбор, приводящий к образованию новых форм. Критикуя в этой связи Геккеля, как яростного защитника дарвиновской теории, Данилевский замечает, что тот путает местами изменение и естественный отбор, «принимая естественный отбор за фактор изменения, в то время как тот – лишь инструмент для отбора изменений, уже произошедших» [5].

Следует заметить, что Данилевский, как собственно и Виганд, на которого тот ссылается в своей критике, не совсем верно истолковал Дарвина и Геккеля в данном пункте. Последние говорят о формообразующей деятельности естественного отбора лишь в значении его направленности. Конечно же, изменения происходят в разных направлениях до действия естественного отбора, но таковой затем отбирает, накапливает (*contra* Данилевский) и слагает их в нужных направлениях. Таким образом, не являясь причиной собственно изменений в наследственном аппарате, естественный отбор, тем не менее, является инструментом, который накапливает их в определенном направлении и, таким образом, косвенно повинен в приобретении живыми организмами тех, а не иных признаков, а значит, причастен к появлению в природе конкретной формы! Соглашаясь с этим ради проведения мысленного эксперимента, Данилевский указывает на невозможность образования новых видов в естественных условиях; наиболее сильным его аргументом выступает необходимость скрещивания особей у большинства видов для продолжения рода, а значит, благоприобретенные изменения, в конце концов, должны раствориться в общей массе особей, а не стать достоянием новой разновидности, а затем и вида. Аргумент этот, как и многие другие, касающиеся генетической стороны эволюции, был опровергнут в первой половине XX в.; именно тогда было доказано, что признаки не растворяются при скрещивании, а сохраняются внутри популяции и «дрейфуют» в разных направлениях и с разными скоростями в зависимости от внешних условий, представляя собой ценный багаж изменчивости для последующего действия естественного отбора. Под эти процессы был, в конце концов, подведен и математический аппарат (например, формула Харди–Вайнберга), недостаток которого обеспечил изрядную долю критики Данилевскому.

Другая сторона критики Данилевским Дарвина, которая заслуживает внимания, — это коррелятивные изменения организмов. Собственно, сам того не подозревая, своей критикой он обратил внимание ученых последующих поколений на проблему формообразования. Еще Кювье и Сент-Илер отметили, что изменения признака, например органа, рассматриваемого нами с точки зрения селекции его естественным отбором, неизменно влекут за собой изменения в других частях организма. А значит, отбор идет не по одному признаку, а «тащит» за собой и другие, бесполезные и иногда вредные. «Но тогда где же дарвинизм?» — восклицает Данилевский. Дарвин лишь вскользь указывает на такую коррелятивную изменчивость, справедливо объясняя ею наличие на первый взгляд бесполезных признаков. Дальнейшие исследования показали, что формообразование в процессе онтогенеза идет путем индукции, т.е. развитие одних тканей и органов последовательно индуцируется прилежащими. Кроме того, нормальное развитие многих частей объясняется их функционированием в процессе развития и во взрослом состоянии. Поэтому и создается впечатление, что изменившийся организм коррелятивно меняется «чудесным» образом; по сути же дела он представляет собой лишь целостную систему, взаимосвязанную и подчиненную в изменениях конкретному действию, а не высшей силе, как это описывал Данилевский. Внешняя среда также оказывает действие на формирование организма, вызывая изменения его фенотипа в рамках нормы реакции, предоставляемой генотипом. В отсутствие данных генетики это показалось Данилевскому проявлением метафизической целесообразности.

Подводя итоги нашего рассмотрения заочной дискуссии Данилевского с Дарвиным о природе, надо заметить, что выступления Данилевского с позиций активного антидарвиниста оказались весьма интересными. Повышенное внимание мыслителя, проявленное к ряду причин, механизмам и сути изменчивости, сохраняется и зачастую трактуется неоднозначно и на современном этапе научного развития. По-прежнему имеют право на существование представления о быстрых и направленных изменениях в аппарате наследственной изменчивости, ведутся споры о канализованности формообразования [2; 9]. Своеобразным компромиссом между приверженцами взглядов быстрых или медленных изменений служит теория прерывистого равновесия, которая объединяет в себе относительно короткие периоды ароморфических изменений с более продолжительными идиоадаптационными периодами стазиса.

В целом можно заметить, что критическое исследование Н.Я. Данилевским теории Чарльза Дарвина сохраняет свое значение в качестве примера добросовестного труда не только глубоко эрудированного ученого, но и талантливого мыслителя. Публицистические выступления Н.Я. Данилевского оформили новое направление в славянофильстве — линию панславизма. Предложив оригинальную версию локальных цивилизаций, основанную на том же натуралистическом понимании социокультур-

ных процессов и провиденциальном толковании истории, Данилевский во многом продолжил линию славянофильского теоретизирования. Отказавшись от концепции общечеловеческой цивилизации (основной тезис европейцев) как «непостижимого идеала», Данилевскому удалось предложить модель мирового устройства, на одной стороне которого – Европа, а на другой – славянский мир, ведомый Россией. В своей концепции локальных цивилизаций он предложил мысль о минувшем расцвете Европы и о движении её к своему закату. Поэтому Россия и должна была стать «главою особой самостоятельной политической системы государств...». Линия на откровенную оппозицию России Европе, основанная на осознании этнической самоидентифицированности славянских народов, реализующаяся в целостности их культур, была выведена Данилевским на основании натуралистического понимания истории. В свою очередь, это понимание базировалось на основе его телеологической концепции. Особенно ощутимый удар по ней как раз и нанесло учение Ч. Дарвина, предложившего стройную концепцию «происхождения видов». Защиту своей концепции в зоологии и истории Данилевский посвятил обстоятельный труд по критике дарвинизма, неоднозначно воспринятый уже современниками. События политической и общественной жизни конца XIX в. достаточно чётко показали реалии, не укладывающиеся в жёсткую панславистскую схему Данилевского и его натуралистическое понимание общественной жизни в духе борьбы против стихий. Но целый ряд его гениальных догадок и разработок, как в публицистике, так и в естественно-научном наследии были восприняты и продолжены другими исследователями⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бажов С.И. Философия истории Н.Я. Данилевского. М., 1997.
2. Бергтрен У.А., Кауверинг Д.А., Гулд С.Д. и др. Катастрофы и история Земли: Новый униформизм / пер. с англ. М., 1986.
3. Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия IX–XIX веков. Л., 1989.
4. Губман Б.Л. Россия и Европа в философии русской истории. Тверь, 1995.
5. Дарвинизм. Критическое исследование Н.Я. Данилевского: в 2 т. и с 15 приложениями. СПб., 1885–1889.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / сост., послесловие и ком. С.А. Вайгачева. М., 1991.
7. Зиновьев А.В. К «Происхождению видов...». Тверь, 2005.
8. История биологии с древнейших времен до начала XX в. / под ред. С.Р. Микулинского. М., 1972.

⁴ Выражаем большую признательность О.В. Вершининой (Тверь, НБ ТвГУ) за неоценимую помощь в работе с редкими изданиями.

9. Лима-де-Фариа А. Эволюция без отбора: Автоэволюция формы и функции / пер. с англ. М., 1991.
10. Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. СПб., 1909.
11. Соловьев В.С. Данилевский // Энциклопед. словарь / изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1893. Т. 10. С. 77–80.
12. Darwin C. On the origin of species by means of natural selection or the preservation of favoured races in the struggle for life. 1-st ed. London, 1859.